

ВАСИЛИЙ ПЕТРОВ (1736 – 1799)

ОДА НА ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ КАРУСЕЛЬ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ 1766 ГОДА

Молчите, шумны плесков громы,
Что слышны в Пиндара устах,
Взмущенны прахом ипподромы,
От коих в Тибра стон брегах,
5 И вы, позоры Олимпийски,
Вы в равенстве стать с оным низки,
Что нам в зефирны дни открыть
Екатериной державы,
Когда среди утех, забавы
10 В россиян дух геройства лить.

Я странный слышу рев музыки!
То дух мой нежит и бодрит;
Я разных зрю народов лики!
То взор мой тешит и дивит;
15 В порфирах Рим, Стамбул, Индия
И славы под венцом Россия
Открыли мыслям тьму отрад!
И зависть, став вдали, чудится,
Что наш толь весел век катится,
20 Забыла пить змеиный яд.

Отверз Плутон сокровищ недра,
И Пактол златом пролился;
Натура, что родить всещедре,
Ее краса предстала вся:
25 Сапфиры, адаманты блещут,
Рубин с смарагдом искры мещут
И поражают взор очей.
Низвед зеницы, Феб дивится,
Что в многих толь зеркалах зрится,
30 И утрает свет лучей.

Убором дорогим покрыты,
Дают мах кони грив на ветр;
Бразды их пеною облиты,
Встает прах вихрем из-под бедр:
35 На них подвижники избранны
Несутся в путь, песком устланный,
И кровь в предсердии кипит
Душевный дар изнестъ на внешность,
Явить нетрепетну поспешность;
40 Их честь, их царский взор крепит.

Но что за красоты сияют
С гремящих верха колесниц,
Что рук искусством превышают
Диану и ее стрелиц?
45 Не храбрые ль спартански девы,
Точащи пену вепрей зевы
Презрев, хотят их гнать по мхам?
Природные российски дщери,
В дозволенны вшед чести двери,
50 Оспорить тщатся лавр мужам.

Подняв главу из теней мрака,
Позорищный услышав шум,
Со устремленьем томна зрака
Стоит во мгле смущенных дум
55 Бледнеющая Пентезиля,
Прискорбный дух и вид имея,
Прерывным голосом рекла:
«Все б греки в Илионе пали,
Коль сии б девы их сражали;
60 Ручьями б кровь их в понт текла.

И тщетно было б то коварство,
Что плел с Улиссом Диомид;
Поднесь стояло б Трои царство
И гордый стен Пергамских вид.
65 Те стрелы в крови ядовитой
Гнилой бы были им защитой;
Тот грозный в шлеме Ахиллес,
Кем Гектор сам влачен был долу,
От рук прекрасного б здесь полу
70 Сражен, лег труп, достойный слез».

Сие изрекши, амазонка
Упала в прежню теней тьму,
И ветра глас движеньем тонка
Кончился в зрелищном шуму.
75 Там всадники взаим пылают,
И бегом Евра упреждают,
Крутят коней, звучат броньми,
Во рвении, в пыли и в поте
В восторгшей их сердца охоте
80 Мечом сверкают и локтями.

Герой, во блеск славян одеян,
О, как мой дух к себе влечет!
Коль храбр и чуден вождь индейн,
Коль бодро в подвиге течет!
85 Но как тот взор мой восхищает,

Кой грозным видом представляет
Пустынного изгнанца плод!
Взглянув на мужество такое,
Себя б самого в сем герое
90 Ужасся чалмоносцев род!

А в том, покрыт кто скачет шлемом,
Жив тех героев дух и взгляд,
Которы Ромула со Ремом
Своими праотцами чтят;
95 Его десница скородвижна,
Видению едва постижна,
И мечет и пронзает вдруг!
Камилл, что был в несчастьи Рима
Стена, врагом непроборима,
100 Такой имел и взор и дух.

Таков был Декий, что в средину
Ярящихся врагов вскочил,
И Курций, общества судьбину
Своей что смертью отвратил;
105 Таков в Маркелле вид, проворство,
Когда держал единоборство,
Как галл под ним ревел пронзен;
Так все спешат себя прославить,
Разить медведей, гидр безглавить;
110 Их в подвиг ум и взор вперен.

Я в восхищении глубоком
Театр войны бескровной зрю,
Бегущих провождая оком,
Я разными страстями горю:
115 То дух во мне, боясь, трепещет,
То в радости героям плещет,
Они скорее стрел летят
И рвение в сердцах сугубят
На гласы, что им почестъ трубят,
120 Друг пред другом взять лавр спешат.

Орел когда, томимый гладом,
Шумя на воздухе, парит,
Узревши птиц, летящих стадом,
Вослед за ними гнать горит,
125 И, вдруг пустясь полетом встречным
И крыл движеньем быстротечным,
Уже их постигает близ
И, алчными усты зияя
И остры когти простирая,
130 Дает по ним круг вверх и вниз.

Подобный здесь царю пернатых
Полет в героях вижу двух,
Желанием хвалы объятых,
Подвижнических мзды заслуг.
135 Сияя видом благородным,
Являют вдруг очам народным
Соперничество и родство;
Хребты и выи исклоняя
И сильны мышцы напрягая,
140 Взять упреждают торжество.

Так быстро воины Петровы
Скакали в Марсовых полях,
Такие в них сердца Орловы,
Такой чела и рук был взмах;
145 И легка членов преобратность,
Над мыслью деющая понятность;
Когда в жару кровавых сеч
Летали молнией по строю
И безошибочной рукою
150 Сжинали главы с шведских плеч.

Умолкли труб воинских звуки
И огнедышных коней скок,
Спокоились геройски руки,
Лишь мутный кажет след песок.
155 Он пылью весь покрыт густою,
Как в летню поле ночь рососою,
Как налетает пар водам.
Уже течение скончало,
Уж в новом зрелище предстали
160 Моим подвижники очам.

Не столь сияют в небе звезды,
Не столь красен денницы восход,
Не столь торжественные въезды
Верх римских в древности высот
165 Блистательны и пышны были,
Коль мысль и сердце мне пленили
Различны вкупе красоты.
Сиял там воин увязанный,
Здесь девы, потом орошенны,
170 Всея их выше лепоты.

И се подвижнейших героев
И дев победоносный хор
В чертог вожди приемлют воев,
Судей избраннейших собор.
175 Там муж, украшен сединою,

Той лавры раздает рукою,
Из коей в бранях гром метал;
Луна от тех метаний тмилась,
Как против солнца ополчилась,
180 И Понт волн черных встрепетал.

О! как тот лавр зелен, прелестен,
Который лавроносцем дан!
Кой тот герой велик и честен,
Кой от героя увенчан!
185 Коль славны подвига награды,
Что при очах самой Паллады
Вам, героини, дарены!
Колькратно око ваше взглянет
На мзду, толькратно
в мысль предстанет,
190 И труд, за что вы почтены.

Где ныне роскошь и богатство
Тех стоном растворенных игр?
То с плачем смешано приятство,
Как пленных лев терзал иль тигр?
195 Те зрелища краснообразны,
Где, от оружия непраздны
Девиц зря руки и мужей,
Враги рыкать не смеют львами,
Змеиными зиять к нам ртами;
200 Им страх — утеха наших дней.

Кто мраморны столбы возводит
Туда, где Зевс обык греметь,
В том славы верх своей находит
Египту в дивах предоспеть
205 Чрез сродную великим пышность,
В порочну падает излишность,
Величие в роскошстве чтя;
Другой, вослед Пигмаллиону,
Сияюще мрачит корону,
210 Себе всё жертвой предая.

Сверх многих божеству приличеств,
Екатерина новый путь
Открыла достигать величеств,
Свой дух вливая в верных грудь.
215 Как солнце в целом светит мире,
Всем виден блеск в ее порфире,
Без ужасу своих громка,
Без гордости превознесенна,
Без унижения смиренна,
220 Без всех надмений высока.

Благополучен я стократно,
Что в сем живу златом веку,
Где мал, велик, все безызытно
Щедрот монарших пьют реку.
225 Я видел Исфм, Олимп, Пифию,
Великолепный Рим, Нимию
В иных огромности чудес;
Я зрел Демоклов и Феронов,
Которых шумом лирных звонов
230 Парящий фивянин вознес.

1766

ПЕТА в МАСКЕРАДЕ на ОЗЕРКАХ

Строфа

Полунощи царица,
Народов многих мать!
Владычия пространству
Душа твоя равна;
Ты черплешь дары с Неба;
Мы черпем от тебя;
Ты трону честь Петрову,
Нам счастье и жизнь.

Антистрофа

О Павел и Мария!
Утехи наших дум!
О орле и орлица,
Родившие птенцов,
Имущих воспарити
Превыше облаков!
Уже в броне и шлеме
Играет Александр.

Еподос

Как благовонный израстает
На поле цветоносном крин,
Подобной красотой блистает
Во колыбели Константин.
Богинины растите внуки
И хвал ея продлите звуки.
Как кедр, Петров умножься дом
И богаты весь свет плодом!

1779

Александр Сумароков (1717 – 1777)

ДИФИРАМБ ПЕГАСУ

Мой дух, коль хочешь быть славен,
Остави прежний низкий стих!
Он был естествен, прост и плавен,
Но хладен, сух, бессилен, тих!
5 Гремите, музы, сладко, красно,
Великолепно, велегласно!
Стремись, Пегас, под небеса,
Дави эфирными брегами
И бурными попри ногами
10 Моря, и горы, и леса!

Атлант горит, Кавказ пылает
Восторгом жара моего,
Везувий ток огня ссылает,
Геенна льется из него;
15 Борей от молнии дымится,
От пепла твердь и солнце тьмится,
От грома в гром, удар в удар.
Плутон во мраке черном тонет,
Гигант под тяжкой Этной стонет,
20 На вечных лютых льдах пожар.

Тела, в песке лежащи сером,
Проснулись от огромных слов;
Пентезилея с Агасфером
Выходят бодро из гробов,
25 И более они не дремлют,
Но бдя, музыки ревы внемяют:
Встал Сиф, Сим, Хам,
Нин, Кир, Рем, Ян;
Цербёра песнь изобразилась;
Луна с Светилом дня сразилась,
30 И льется крови океан.

Киплю, горю, потею, таю,
Отторженный от низких дум;
Пегасу лавры соплетаю,
С предсердьем напрягая ум.
35 Пегас летит, как Вещий Бурка,
И удивляет перса, турка;
Дивится хинец, готтентот;
Чудится Пор, герой индейца,
До пят весь перлами одет,
40 Разинув весь геройский рот.

Храпит Пегас и пенит губы,
И вихрь восходит из-под бедр,
Открыл свои пермесски зубы,
И гриву раздувает ветр;
45 Ржет конь, и вся земля трепещет,
И луч его подковы блещет.
Поверглись горы, стонет лес,
Воздвиглась сильна буря в понте;
Встал треск и блеск на горизонте,
50 Дрожит Самсон и Геркулес.

Во восхищении глубоком
Вознесся к дну морских я вод,
И в утоплении высоком
Низвергся я в небесный свод,
55 И, быстротечно мчась вскоре,
Зрюсь купно в небе я и в море,
Но скрылся конь от встречных глаз;
Куда герой крылатый скрылся?
Не в дальних ли звездах зарылся?
60 В подземных пропастях Пегас.

И тамо, где еще безвестны
Восходы Феба и Зари,
Никому коню не вместины,
Себе поставил алтари,
65 Во мраке непрестанной тени
Металлы пали на колени
Пред холкой движного коня;
Плутон от ярости скрежещет,
С главы венец сапфирный мечет
70 И ужасается, стена.

Плутон остался на престоле,
Пегас взлетел на Геликон;
Не скоро вскочит он оттоле:
Реку лежання пьет там он.
75 О конь, о конь пиндароносный,
Пиитам многим тигрозлостный,
Подвижнейший в ристаньи игр!
По путешествии обширном,
При восклицании всемирном:
80 «Да здравствует пернатый тигр!»

1766